

Речевая характеристика как языковое средство создания образа персонажа в повести М. Булгакова «Собачье сердце»

ИРИНА ТИШКИНА

TYISKINA Irina, ELTE Keleti Szláv és Balti Tanszék, Budapest, Múzeum krt. 4/D, H-1088
E-mail: zavalko@posta.net

Abstract: During the analysis of the protagonist's (namely, Sharik's and Sharikov's) way of speaking in Bulgakov's story *Heart of a Dog*, an abrupt contrast or even a complete oppositeness of the constituents becomes apparent. In its turn, this provides the base and evidence for this ultimate oppositeness of the protagonists in the story in general.

Sharikov's speech is mainly characterized by the following features: 1) absence of skills of monological speech manifested by the violation of norms of constructing sentences and by the tendency towards using short and concise sentences, 2) violation of lexical and grammatical norms, 3) abundance in colloquialisms, 4) frequency of generalized and demagogic constructions, 5) presence of officialese and ideological clichés.

It is Sharikov's speech and his way of speaking that enables the reader to make conclusions about his figure in general, and determine the most important characteristic features of his inner self which are as follows: 1) low cultural level, 2) aggressiveness and growing confidence in his own right, 3) belonging to the layer of uneducated, uncivilized and often declassed people.

Keywords: M. A. Bulgakov, *Heart of a Dog*, Sharik, Sharikov, way of speaking, linguistic means of creating the protagonist's figure

Речевая характеристика, представляя собой «стилистический прием, целенаправленное использование автором отобранных ... языковых единиц, чтобы охарактеризовать ... героя» (Ковалевская 1975: 63), ярко отражает его ментальность и в результате этого является одним из важнейших способов создания образа персонажа в целом.

Интересный материал дает анализ речевой характеристики персонажа (а именно Шарика и Шарикова) в повести Булгакова «Собачье сердце».

Среди языковых средств ее создания можно выделить следующие: непосредственно речь персонажа, авторские ремарки к ней, авторские характеристики и номинации. Сразу же следует отметить резкую противоположность, даже противопоставленность этих элементов в случае Шарика и Шарикова. Особенно подчеркивается эта противопоставленность довольно четким параллелизмом основных сюжетных событий в двух (назовем их так условно) частях повести: в той, где главным героем является Шарик (главы 1–4), и в той, где главный герой Шариков (главы 6–9). Отметим такие параллельные сюжетные моменты, как сцены обеда (своеобразный триалог главных героев: Филиппа Филипповича, Шарика/Шарикова и доктора Борменталя), сцены, предшествующие операции, встречи с барышней; сцену встречи Филиппа Фи-

липповича с псом Шариком также можно считать параллельной первому разговору Филиппа Филипповича с Шариковым, так как в обоих случаях это, по сути, первые развернутые диалоги между этими героями.

Противопоставленность языковых элементов создания речевой характеристики Шарика и Шарикова служит выявлению и акцентированию противопоставленности образов этих двух персонажей повести, что имеет тем более важное значение, поскольку по сюжету происходит как бы трансформация одного персонажа в другой и обратно к исходному персонажу. Тем не менее при изучении речевой характеристики становится совершенно ясно, что мы имеем дело не только с абсолютно разными, но и противопоставленными друг другу по своей сути персонажами.

Обратимся к образу Шарикова. Рассмотрим, каким предстает этот персонаж в свете его речевой характеристики.

Речь Шарикова, как одна из основных составляющих его речевой характеристики, имеет весьма ярко выраженные характерные черты. Изучая их, мы получаем представление и о самом характере его «я» как персонажа повести.

Вследствие того, что Шариков является искусственно созданным человеком, гомункулусом, мы можем наблюдать, как возникает и затем развивается его языковая личность.

До момента появления Шарикова как персонажа (и существа) говорящего мы получаем представление о его «речи», вернее, о ее началах, образовании опосредствованно. Пятая глава повести представляет собой тетрадь доктора Борменталя, в которой описывается история болезни нового искусственно созданного человека и из которой видно, как возникает речевая деятельность этого нового персонажа.

Не останавливаясь подробно на анализе этого этапа речевой характеристики Шарикова (см. Тишкина 1999), отмечу лишь, что в комментариях доктора Борменталя, дающих определенное представление о новом персонаже, особого интереса заслуживают два момента, которые свидетельствуют о том, что новый герой, еще безымянный и в полной мере не являющийся персонажем говорящим, уже на этом этапе проявляет себя как весьма определенно ориентированная языковая личность.

Это, во-первых, сделанное на следующий день после фиксации первого слова *абыр-валг* замечание: «*В моем и Зины присутствии пес (если псом, конечно, можно назвать) обругал профессора Преображенского по матери*» (161)¹, в котором примечательно то, что существо, не произнесшее пока ни одного значащего слова, т. е. по сути своей еще не говорящее, произносит свои первые слова — и слова эти матерная ругань, причем, не «совершенно бессмысленная», носящая «несколько

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: Булгаков М. А. Собрание сочинений в пяти томах. Том второй. Москва 1989. В скобках дается указание страницы.

фонографический характер» (как она характеризуется в дальнейшем доктором Борменталем), а четко адресованная: «обругал профессора Преображенского». Это отнюдь не случайно и свидетельствует о будущей конфликтной расстановке сил.

Еще более интересен второй момент.

...впервые слова, произнесенные существом, не были оторваны от окружающих явлений, а явились реакцией на них. Именно, когда профессор приказал ему: «не бросай объедки на пол...» — неожиданно ответил: «Отлезь, гнида!» (164)

Во-первых, здесь мы, по сути, имеем (пусть и в передаче третьего лица) первую разговорную сцену двух главных героев повести, их первый мини-диалог, в котором, несмотря на его краткость, четко обозначены их будущие отношения. Кроме этого, первая осмысленная фраза нового существа является весьма характерной для будущей речевой характеристики Шарикова по следующим параметрам: а) краткость и отрывистость фразы, ее агрессивная окрашенность (в дальнейшем мы увидим, что это присуще речи Шарикова); б) нарушение лексико-грамматических норм — от глагола *лезть* нельзя образовать приставочный глагол с префиксом *от*, полученный здесь императив является бранно-просторечной заменой глагола *отстань*; в) наличие браны, причем использование выступающего в данном случае как брань слова *гнида* в качестве обращения особенно подчеркивает уничижительно-пренебрежительный оттенок этой браны. В этом предопределяется отношение нового персонажа к профессору Преображенскому. И это отношение, за которым стоит идеологический классовый подход «трудового элемента» к интеллигенции, резко противопоставлено отношению к профессору Шарика (вспомним используемые им обозначения Филиппа Филипповича: *господин, благодетель, важный песик благотворитель, добрый волшебник, маг и кудесник*).

В последующих сценах 6–9 глав повести, в которых Шариков фигурирует как лицо говорящее, прослеживается дальнейшее развитие основных черт, присущих его речи.

Уже его первый развернутый диалог с Филиппом Филипповичем, которым начинается 6 глава, дает ясное представление об этих чертах. Сам диалог был подробно рассмотрен нами ранее (см. Тишкина 1999), поэтому здесь мы ограничимся только выводами, которые можно сделать на основе анализа этого диалога, и несколькими наиболее яркими примерами, иллюстрирующими эти выводы.

Итак, исходя из первого диалога, можно отметить, что для речи Шарикова характерны следующие черты:

а) отсутствие навыков монологической речи, проявляющееся в неправильном построении предложений и склонности к использованию нераспространенных, иногда усеченных предложений;

— Я ему велел, чтоб лаковые... Пойдите на Кузнецкий, все в лаковых;
— Ну уж и женщины! Подумаешь! Барыни какие!

— *Что ж... «гадость» ... шикарный галстух*» (168).

б) нарушение грамматических и лексических норм, приводящее в некоторых случаях к искажению смысла высказывания;

— *Что-то вы меня, папаша, сильно утесняете*, — вдруг плаксиво выговорил человек (169).

— ...*Итак, что говорит этот ваш прелестный домком?*

— *Что ж ему говорить? Да вы напрасно его прелестным ругаете* (171).

Помилуйте, — уверенно ответил человек, — как же так без документа. *Это уж извиняюсь. Сами знаете, без документа строгое воспрещается существовать* (170).

Если во втором примере незнание значения слова *прелестный*, чужого лексикону Шарикова, приводит к возникновению комического эффекта (комизм оксиоморона *прелестным ругаете* самим Шариковым, разумеется, не осознается), то в двух других случаях наряду с определенным комическим эффектом, мы наблюдаем, что нарушение норм приводит к выявлению иного, дополнительного смысла, не осознаваемого самим персонажем. (Глагол *утеснять* [вместо нормативного *притеснять*] вызывает ассоциации с глаголом *уплотнять*, в чем находит свое отражение т. н. «квартирный вопрос»; употребление глагола *существовать* вместо *жить, проживать*, если учесть контекст всей повести и, тем более, всего этого времени, указывает на исключительную важность документа как на весьма характерную примету того времени.) Отметим, что такое выявление скрытого смысла будет характерно для речи Шарикова и в дальнейшем.

в) обилие просторечий;

г) использование конструкций с обобщенно-демагогической окрашенностью;

д) наличие определенных речевых штампов.

Для иллюстрации двух последних положений приведем следующий пример, демагогический характер которого очевиден:

— Уж конечно, как же... — *мы понимаем-с! Какие уж мы вам товарищи!* Где уж! *Мы в университетах не обучались, в квартирах по пятнадцать комнат с ваннами не жили!* Только теперь пора бы это оставить. В настоящее время каждый имеет свое право... (169–170).

Рассмотрим, как названные черты проявляются в речи Шарикова в дальнейшем, давая все более полное представление о его характере в целом.

Следующая важная для рассмотрения речевой характеристики Шарикова сцена — это находящаяся в параллельной соотнесенности с первой частью повести (главы 1–4) сцена обеда, триалог главных героев повести (глава седьмая). Прежде всего стоит отметить резкую противоположность характера, атмосферы этой сцены и аналогичной

ей сцены в первой части повести. Укажем в связи с этим на следующие моменты: а) в первой сцене наличествует весьма развернутая речь от автора, содержащая интересные номинации персонажей и характерные для Булгакова подробные описания места действия и окружения, являющиеся законченными зарисовками-картинами: достаточно вспомнить открывающее данную сцену описание столовой и обеденного стола (140), которое отсутствует как таковое в сцене обеда в седьмой главе; б) в первой сцене в диалоге Филиппа Филипповича с доктором Борменталем важное место занимают пространные монологические высказывания профессора, носящие как политический, так и культурологический характер, например, его знаменитый монолог о разрухе (144–145), рассуждения о том, как следует «мало-мальски уважающему себя человеку» пить и закусывать (141–142), или же его размышления о послереволюционных метаморфозах в калабуховском доме (143–144); в) присутствие Шарика в этой сцене проявляется не только в его мысленных высказываниях, комментирующих ход событий и рассуждения Филиппа Филипповича, но находит свое отражение и в авторской речи (см. Тишкина 1998).

Совсем иначе предстает сцена триалога в главе седьмой. Речь от автора полностью лишена повествовательно-описательного характера. Сцена начинается непосредственно с высказываний действующих лиц, причем для всего этого триалога характерны напряженность и отсутствие пространных монологических высказываний, в том числе и Филиппа Филипповича. Интересно отметить, что авторское повествование в присущей ему форме появляется в этой сцене лишь в самом ее конце, после того как Шариков уходит. Как будто сразу снимается напряжение и возникает прежний характер изложения от автора со свойственным ему описанием картины мирного быта.

Через десять минут Иван Арнольдович и Шариков ... уехали в цирк. В квартире стихло. Филипп Филиппович оказался в своем кабинете. Он зажег лампу под тяжелым зеленым колпаком, отчего в громадном кабинете стало очень мирно, и начал мерять комнату... В квартире прекратились всякие звуки... Редко-редко звучали отдаленные шаги запоздалого пешехода, они постукивали где-то за шторами и угасали. В кабинете нежно звенел под пальцами Филиппа Филипповича репетир в кармане... (186–187).

Среди общих примет уюта и спокойствия особо следует подчеркнуть упоминание «лампы под зеленым колпаком», о значение образа которой для Булгакова говорил и сам писатель: «...Образ лампы с абажуром зеленого цвета. Это для меня очень важный образ. Возник он из детских впечатлений — образ моего отца, пишущего за столом» (цит. по: Яновская 1983: 7).

Шариков, выступающий в этой сцене в качестве лица говорящего, номинально участвует в триалоге более активно, чем Шарик в параллельной сцене, но сам характер этого участия совершенно иной.

Во-первых, что особенно заметно становится во второй половине сцены, когда Шариков чувствует себя более уверенно, следует отметить присутствие агрессивности, выражющееся в наблюдаемом и в первом его диалоге с Филиппом Филипповичем частом употреблении усиительной частицы *Да*, с которой начинаются высказывания Шарикова. Причем, характер агрессивности усиливается за счет того, что эти высказывания следуют подряд одно за другим:

— *Да дурака валяние... Разговаривают, разговаривают... Контрреволюция одна!*; — *Да не согласен я; — Да что тут предлагать... А то пишут, пишут... конгресс, немцы какие-то... голова пухнет! Взять все да и поделить...; — Да какой тут способ, ... дело нехитрое* (183–184).

Далее в речи Шарикова в этой сцене можно найти все ее прежние характеристики:

— наличие просторечий: «—*Ну, сейчас палить!*» (185) (палить вместо жечь и характерное просторечное употребления наречия *сейчас* в значении ‘сразу’);

— отсутствие навыков монологической речи, проявляющееся в использовании преимущественно нераспространенных, часто усеченных предложений с нарушением синтаксических норм: «—*Ну что же... Ну, Швондер и дал. Он не негодяй. Чтоб я разывался*» (185);

— обобщенно-демагогический характер высказываний: «*А то что же: один в семи комнатах расселся, штанов у него сорок пар, а другой иляется, в сорных ящиках питание ищет*» (184).

В отличие от отмеченного выше примера высказываний Шарикова такого характера, в данном случае используется не обобщенно-личная конструкция с формой множественного числа, а конструкция с местоимениями *один* и *другой*, выражаящая наглядно-примерное противопоставление. Обобщенно-демагогический характер усиливается экспрессивно-негативной окрашенностью высказывания, которая создается за счет использования негативно окрашенных глаголов *расселся* и *иляется*, имеющих просторечно-грубую стилистическую окраску, а также метафорического преувеличения *штанов у него сорок пар*, в котором заслуживает внимания соседство просторечного *штанов* с общеречевым метафорическим использованием числительного *сорок* (сравним, например, *сорок сороков, сороковая верста* и т. д.).

В данной сцене в речи Шарикова мы находим также два примера использования речевых штампов.

— *Вот у вас все как на параде, — заговорил он, — салфетку туда, галстух — сюда, да «извините», да «пожалуйста», «мерси», а так, чтобы по-настоящему, — это нет. Мучаете себя, как при царском режиме*» (182).

Выражение *царский режим* в качестве обозначения чего-либо негативного было в послереволюционное (и позже) время общеупотребительным. (Например: *это вам не царский режим — командовать; что смотришь? — это тебе не царский режим — не ударишь!*)

Негативное значение этого обозначения в данном контексте налицо вследствие употребления его в сравнительном обороте с глаголом *мучаете*. Следует отметить здесь и комический эффект, который создается за счет противопоставления жизни *по-настоящему* (в понимании Шарикова) и жизни *как на параде* (опять же в его представлении), то есть с соблюдением определенных норм этикета, и приравнивании этой последней к мучениям. Интересно раскрывается здесь и представление нового человека о царском режиме как о времени, когда обязательным было соблюдение ненужных и обременительных, по его мнению, норм этикета.

Следующий пример представляет особый интерес.

— Да она меня *по морде* хлопнула! — взвизгнул Шариков, — у меня *не казенная морда!* (184).

В данном случае наблюдается двойной комический эффект, возникающий, во-первых, вследствие употребления, причем дважды в рамках одного короткого высказывания, в отношении самого себя грубо-просторечного слова *морда* вместо *лицо*, а во-вторых — вследствие близкого соседства просторечного *морда* с канцелярским штампом *не казенная*. Следует также отметить общеупотребительный характер этого выражения, в котором проявляется ориентация новых людей в отношении ценностей: «что-либо у кого-н. не казенное» — означает, что это что-либо имеет ценность, поскольку оно свое, собственное, а не общее, государственное, казенное. Таким образом, мы здесь опять наблюдаем, как в высказывании Шарикова помимо его воли возникает и иной, дополнительный смысл. В данном случае в его словах проявляется и утверждается норма, прямо противоположная провозглашаемому в новом обществе официальному постулату о прimate общественной собственности и превосходстве всего коллективного над частным, индивидуальным.

В восьмой главе повести непосредственно речь Шарикова занимает не много места. Существенно, однако, что, начиная с этой главы, Шариков становится лицом, официально существующим, ему вручены представителем домкома документы, что незамедлительно сказывается на его поведении и речи, которым становится присуща еще большая, чем прежде, уверенность. (Здесь стоит вспомнить его утверждение о том, что *без документа строго воспрещается существовать*.)

Уверенность эта и определенный стиль общения проявляются с первых же слов Шарикова в этой главе, каковыми является обращение просто по фамилии к ассистенту профессора Ивану Арнольдовичу.

...документы...Шариков немедленно заложил в карман пиджака и немедленно же после этого позвал доктора Борментала:

— Борменталь! (188).

Об уверенности в своей позиции и вместе с тем о четкой идео-

логической ориентации свидетельствует и следующее заявление Шарикова:

— *Я не господин, господа все в Париже, — отгаял Шариков (188).*

Здесь заслуживает внимания языковой штамп *господа все в Париже*, являющийся разновидностью расхожих идеологических клише того времени: *господ нынче/больше нет, господа все уехали*, в которых нашли свое отражение искоренение после революции обращения *господин, господа*, а также общая официальная установка в отношении эмиграции.

Уверенность в своих правах, подтвержденных полученными документами, звучит и в следующих двух высказываниях Шарикова.

— *Ну да, такой я дурак, чтоб я съехал отсюда, — очень четко ответил Шариков (188).*

Здесь, наряду с уверенной наступательностью, опять-таки следует отметить малограмотность и неумение правильно выражать свои мысли. В данном случае это проявляется в нарушении синтаксических норм: использование в придаточном предложении формы прошедшего времени вместо инфинитива, обязательного при тождественном подлежащем, и избыточное повторение этого подлежащего, также можно отметить просторечный характер формы глагола *съехал* в значении ‘уехать, выселиться’.

— *Вот. Член жилищного товарищества, и жилплощадь мне полагается определенно в квартире номер пять у ответственного съемщика Преображенского в шестнадцать квадратных ариан, — Шариков подумал и добавил слово, которое Борменталь машинально отметил в мозгу как новое: — благоволите (188).*

Особый интерес в наборе канцелярской лексики, присутствующей в данном фрагменте, представляет именование Филиппа Филипповича «ответственным съемщиком Преображенским», поскольку оно находится в ярком противоречии не только с самим обликом профессора, но и с его предшествующим высказыванием, в котором звучит фраза: «*Не будет никого, кроме господ, в моей квартире, пока я в ней нахожусь!*», а также, в рамках контекста всей повести в целом, с первым впечатлением Шарика о Филиппе Филипповиче: «... показался гражданин. Именно гражданин, а не товарищ, и даже вернее всего — *господин. Ближе — яснее — господин*» (122). О некоторой заученности речи Шарикова, как и в первом диалоге с профессором, свидетельствует его манера говорить, как бы вспоминая заранее подготовленный или где-либо виденный или слышанный текст. В данном случае это проявляется в добавлении последнего слова *благоволите*, к тому же явно отличающегося от всего высказывания по стилю.

В заключение обратимся к трем сценам девятой, последней главы повести, в которых Шариков выступает как лицо говорящее. Все они

достаточно примечательны. В первой, где Шариков фигурирует как должностное лицо, явно выражено отношение «нового человека» к труду. Во второй и третьей, благодаря их параллельности со сценой с барышней и сценой перед операцией из первой части повести, где главным героем является Шарик, подчеркивается яркая противопоставленность этих двух персонажей.

Итак, обратимся к первой сцене. Всего о своем новом положении в качестве «заведующего подотделом очистки города Москвы от бродячих животных» Шариковым сказано три фразы.

В первой из них: «*Я, Филипп Филиппович, ... на должность поступил*» (198) следует отметить нарушение норм лексической сочетаемости слов. Из двух возможных нормативных сочетаний *занять должность* и *поступить на работу* (или, что более соответствует нормам того времени, *поступить на службу*) Шариков путем ошибочной контаминации создает третье, неправильное, в чем отражается не только его неумение правильно выражать свои мысли, но и подчеркнутое уважение к должности. Именно к должности, а не к труду, работе.

Далее на вопрос Филиппа Филипповича «*Позвольте-с вас спросить, почему от вас так отвратительно пахнет?*» Шариков отвечает: «— Ну, что же, пахнет... известно. *По специальности. Вчера котов душили, душили*» (198). Наблюдаемая в этом ответе характерная для Шарикова отрывистость повествования, обусловленная отсутствием у него навыков монологической речи, возникает вследствие использования им коротких, нераспространенных, усеченных предложений, выделения отдельных членов предложения в самостоятельное предложение. (*По специальности* — из возможного *Пахнет от меня по специальности*.) В распространенном приеме повторения в целях создания усилительного эффекта (*душили, душили*) находит свое отражение атавистическая ненависть Шарикова к котам. (См., например: «*Котяра проклятый лампу раскокал...*» (177); «*Про кота я говорю. Такая сволочь!*» (179); «...в программе котов нету? — *И как такую сволочь в цирк допускают?*» (186). Здесь следует отметить наличие грубого просторечия *сволочь* и употребление формы с увеличительным суффиксом *котяра* вместе с просторечным глаголом *раскокал* в целях создания негативной экспрессивной окрашенности.) Использование Шариковым выражения *по специальности* вместо *по работе* весьма примечательно, так как в этом проявляется, что он считает абсолютно нормальной «специальностью» душить котов. Необходимость, вынужденность такой работы еще можно было бы допустить, тогда как согласиться с тем, что душить котов может быть специальностью, невозможно. Так через высказывание персонажа, благодаря использованию определенных языковых средств, проявляется его склад мышления и моральный облик.

Следующее высказывание Шарикова в этом плане еще более характерно.

Филипп Филиппович ... спросил глухо и автоматически:

— Что же вы делаете с этими... с убитыми котами?

*— На **польты** пойдут, — ответил Шариков, — из них белок будут делать на рабочий кредит (200).*

В данном случае за малограмотностью (характерное для такого круга людей использование несклоняемого существительного *пальто* во множественном числе) и неумением строить развернутое высказывание (вместо возможного правильного *их будут выделять под белок* абсурдное утверждение *из них белок будут делать*) стоит нечто большее. В косноязычии проявляется суть деятельности Шарика и ему подобных: обман, подделка, фальсификация. Для рабочих кошачьи шкурки будут выдаваться за беличьи. Так в нарушении персонажем языковых норм здесь, как и в других уже рассмотренных случаях, проявляется подспудное, более глубокое значение.

Сцену с предполагаемой женитьбой на барышне-машинистке можно рассматривать как параллельную сцене с барышней из первой главы, так как, хотя в первой сцене практически нет никакого действия (барышня появляется, произносит всего несколько слов: «*Куть, куть, куть! Шарик, а Шарик! Чего ты скулишь, бедняжка? А? Кто тебя обидел?.. Ух...*» (121) и пропадает в круговороте метели, а Шарик лишь лежит и размышляет о судьбе такой барышни), в ней тем не менее предопределена сцена из девятой главы. Барышня явно та же самая, сохранена ее профессия и даже такие детали, как «*кремовые чулочки*» и несчастная солонина из столовки Совета нормального питания. Сопоставим:

*Ведьма — сухая метель загремела воротами и помелом съездила по уху барышни. Юбочонку взбила до колен, обнажила **кремовые чулочки** и узкую полоску плохо стиранного кружевного бельишка...» (121) — «*Дня через два в квартире появилась худенькая, с подрисованными глазами барышня в **кремовых чулочках** (200).**

*Боже мой... какая погода... ух... и живот болит. Это солонина, это солонина! И когда же это все кончится?» (121) — «*Я отправлюсь, — плакала барышня, — в столовке солонина каждый день...» (201).**

Рассмотрим наиболее характерные высказывания Шарикова в этой сцене.

Первое имеет своей целью объяснение ситуации.

— Я с ней расписываюсь, это наша машинистка, жить со мной будет. Борментала надо будет выселить из приемной, у него своя квартира есть, — крайне неприязненно и хмуро пояснил Шариков (200).

Для всех пяти предложений этого высказывания характерна предельная краткость. Предложения малораспространенные, второстепенные члены присутствуют в них только в силу необходимости. Тот факт, что предложения не связаны союзами, придает всему высказыванию характер отрывистого перечисления. Всё вместе делает это скорее не

объяснение, а именно пояснение, нарочито кратким и недоброжелательным, что отмечается и в авторской ремарке.

В следующем примере:

— Ну, ладно, — вдруг злобно сказал он, — **попомнишь** ты у меня. Завтра я тебе устрою **сокращение штатов!** (202), —

следует отметить наличие просторечия *попомнишь*, а также использование канцелярской лексики (*сокращение штатов*) в чисто разговорном, причем экспрессивно окрашенном контексте, — в составе фразеологизма со значением угрозы: ‘устроить кому-либо что-либо [скандал, сцену, темную]’ (Молотков 1978: 499). Кроме того, здесь наблюдается явная противоположность между отношением к барышне-машинистке Шарикова и Шарика, которое выражалось в сочувственных размышлениях последнего о ее судьбе в первой главе.

Уже отмеченная выше идеологически окрашенная демагогия некоторых высказываний Шарикова проявляется в его следующих двух заявлениях.

— **Я на колчаковских фронтах ранен**, — пролаял он (201).

— **У самих револьверы найдутся...** — пробормотал Полиграф... (202).

Если первое является просто расхожим идеологическим штампом того времени, то во втором, кроме значения угрозы, стоит отметить также использование конструкции множественного числа в качестве приема демагогического обобщения: *у самих и револьверы*. Прием этот, особенно именование самого себя на «мы», не нов в речи Шарикова. (Ср. уже отмеченное выше *Какие уж мы вам товарищи ... Мы в университете не обучались...*)

В этой же главе речь Шарикова представлена и в письменной форме. Это отрывок из его доноса на профессора Преображенского.

...а также угрожал убить председателя домкома товарища Швондера, из чего видно, что хранит огнестрельное оружие. **И** произносит контрреволюционные речи, и даже Энгельса приказал своей социал-прислужнице Зинаиде Прокофьевой Буниной спасти в печке, как явный меньшевик со своим ассистентом Борменталем Иваном Арнольдовым, который тайно не прописанный проживает в его квартире (203).

Впрочем, письменная его речь мало чем отличается от устной. Для нее также характерны присущие Шарикову нарушения языковых норм: а) неумение правильно строить предложения, что проявляется в отсутствии подлежащего и неаргументированном повторении союза *и* во втором предложении, а также в неправильном распространении оборота с союзом *как* в значении причины (использование распространения со значением совместности вместо требуемой по смыслу союзной конструкции со значением приравнивания: *равно как и/так же как и его ассистент*); б) смешение в пределах одного предложения элементов разных стилей: так, в том же втором предложении конструкция с ха-

рактерной для разговорной речи метонимией (Энгельса вместо *произведение/книгу/работу* Энгельса) и словосочетанием с просторечным глаголом *спалить* используется в непосредственной близости с газетным идеологическим штампом *социал-прислужница*. Именование в доносе лиц полностью, по фамилии и по имени отчеству вызвано стремлением к большей официальности. Однако при этом Шариков вновь нарушает грамматические нормы языка: оба отчества (Зинаиде *Прокофьевой* Буниной и Борменталем Иваном *Арнольдовым*) образованы по модели образования фамилий, а не отчеств. Такая ошибка является характерной для людей с низким уровнем образования и может рассматриваться как просторечие, обусловленное малограмотностью.

Последняя сцена повести, где Шариков выступает как лицо говорящее, это сцена перед операцией, параллельная аналогичной сцене в первой части повести, в которой героем является Шарик. Следует сказать, что параллелизм здесь присутствует не только на уровне сюжета, но проявляется и на лексическом уровне.

Так, в главе четвертой первое обозначение предстоящих событий таково: «*И вот в этот ужасный день, еще утром, Шарика кольнуло предчувствие*» (151). Сравним с главой девятой: «*И вот на следующий день, когда Полиграф Полиграфович, которого утром кольнуло скверное предчувствие, уезжал на грузовике к месту службы...*» (202).

Внутреннее состояние героя, предшествующее операции, выражается соответственно следующим образом: «*Холодок прошел у пса под сердцем*» (153) и «*С сосущим нехорошим сердцем вернулся в грузовике Полиграф Полиграфович*» (203).

Однако и в данном случае параллелизм служит тому, чтобы еще больше подчеркнуть противопоставленность двух персонажей, поскольку в четвертой главе временной интервал между «предчувствием» и «холодком под сердцем» заполнен размышлениями и чувствами Шарика: «*Пес опять почувствовал волнение*»; «*Не люблю кутерьмы в квартире, — раздумывал он*»; «*„Не нравится мне. Не нравится.“ Пес обиженно нахмурился...*»; «*И около четверти часа он пробыл в ванной в странном настроении духа...*»; «*Но вдруг его яростную мысль перебило*»; «*„Нет, куда уж, ни на какую волю отсюда не уйдешь, зачем лгать“, — тосковал пес...*»; «*И в разгар муки дверь открыли*» (151–153), а в ходе соответствующего временного интервала в девятой главе Филипп Филиппович получает возможность ознакомиться с доносом, написанным на него Шариковым.

У Шарикова в этой последней для него сцене, кроме краткой реплики в ответ на предложение Филиппа Филипповича покинуть квартиру [«*Как это так? — искренно удивился Шариков*» (204)], только одно высказывание.

— Да что такое, в самом деле? *Что я, упрашив, что ли, не найду на вас? Я на шестнадцати аршинах здесь сижу и буду сидеть!* (204).

Это его последние слова в повести. Им, как и многим другим его высказываниям, присуща наступательность и агрессивность. Это выражается уже известными способами: использованием усилительной частицы *да* и риторическим характером второго вопросительного предложения. Кроме того, созданию данного эффекта способствуют отмеченные в цитате повторы, имеющие характер усиления. [Интересно отметить, что использование сочетаний с повторением некоторых элементов являлось излюбленным и популярным приемом ораторов в ту эпоху (Селищев 1968: 148).] Особый интерес представляет конструкция, содержащая повтор *сижу* и *сидеть буду* в последнем предложении. Поскольку глагол *сидеть* имеет также значение ‘находиться в каком-нибудь месте’ (Ожегов 1981: 637), то вся конструкция приобретает значение ‘прочно и долго занимать какое-либо место // находиться в каком-либо месте’. Это, как и упоминание о полагающихся ему «шестнадцати аршинах», свидетельствует о том, что Шарикова четко сознает свои права, уверен в них и намерен их отстаивать.

Последнее высказывание Шарикова по своему смыслу и характеру весьма отличается от последних слов пса Шарика: «... отчего мне так мутно и страшно? — подумал пес...»; «Злодей, — мелькнуло в голове. — За что?» (154), вопросительно-грустная интонация которых не имеет ничего общего с наступательной агрессивностью Шарикова.

Подводя итоги, мы можем сказать, что анализ тех сцен, в которых Шариков выступает как лицо говорящее, позволяет сделать следующие выводы.

Наиболее характерными чертами его речи являются следующие моменты:

1) отсутствие навыков монологической речи, проявляющееся в нарушении синтаксических норм построения предложений и в тенденции к использованию коротких, нераспространенных предложений; 2) нарушение лексических и грамматических норм; 3) обилие просторечий (не только использование просторечной лексики, но и просторечные нарушения грамматических и синтаксических норм); 4) присутствие конструкций обобщенно-демагогического характера; 5) наличие канцелярских и идеологических штампов.

Рассмотренный материал позволяет получить полное представление о речевой характеристике Шарикова, причем, в ее соотнесенности с речевой характеристикой Шарика, что в свою очередь служит обоснованием и доказательством противопоставленности и контрастной противоположности этих двух персонажей повести.

Следует подчеркнуть, что именно речь Шарикова, как основной составляющий элемент его речевой характеристики, предоставляет возможность сделать выводы относительно его образа в целом, определить следующие наиболее важные черты его «я»: а) низкий культурный уровень; б) агрессивность и нарастающая уверенность в своей правоте; в) принадлежность к слою необразованных, некультурных, зачастую

деклассированных людей, которых новая власть сделала гегемоном и о которых устами профессора Преображенского сказано: «*Клим! ... Клим Чугункин! ... две судимости, алкоголизм, ... хам и свинья...*» (194).

Использованная литература

- Ковалевская Е. Г. Речевая характеристика героев в русских драматических произведениях XVII–XVIII вв. In: Вопросы стилистики. Межвузовский научный сборник. Вып. 10. Саратов, 1975, 61–72.
- Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. Москва 1978.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. Москва 1981.
- Селищев А. М. Выразительность и образность языка революционной эпохи. In: Избранные труды. Москва 1968, 147–158.
- Тишкина И. И. О роли авторских номинаций и ремарок в повести Булгакова «Собачье сердце». In: Вестник филиала Института русского языка им. А. С. Пушкина, № 10, Будапешт 1998, 84–89.
- Тишкина И. И. К вопросу об изучении языковой личности персонажа. In: Slavica Quinqueecclesiensis IV. Linguistica Translatologia Cultura 1998. Pécs 1999, 219–226.
- Яновская Л. М. Творческий путь Михаила Булгакова. Москва 1983.